

Снег всё падал и падал. Когда утром Юхан вышел на крыльцо, сначала он просто стоял и смотрел по сторонам. Весь хутор и все окрестные поля утопали в снегу, и снег продолжал валить с небес большими белыми хлопьями.

Было очень тихо. Казалось, что всё вокруг уснуло, укрытое снежным одеялом — весь хутор, все окрестности, вся Швеция, весь мир.

Нет, не весь. Откуда-то издалека донёлся звон бубенцов. Он приближался и становился всё громче и громче, и вскоре по дороге прошла рысцей лошадь, запряжённая в сани. Должно быть, это Петтер Ларссон из соседнего села Бекхульт поехал в город.

Когда сани скрылись из виду, Юхан стал прокладывать в сугробах тропинку к калитке. Сегодня, в последний день перед Рождеством, ему пора было идти в школу. Он с трудом пробирался сквозь сугробы, по поясу проваливаясь в рыхлый снег. У калитки стояли его санки-самокат*, но их едва было видно — их тоже завалило снегом. Юхан выкопал санки

* Сани с длинными полозьями, установленным на них сиденьем для пассажира или платформой для перевозки груза и рукоятками на спинке сиденья. Для езды на таких санях одну ногу ставят на один из полозьев, а другой ногой отталкиваются от снежного наста, как при езде на самокате. В России такие сани называют финскими, хотя их родина — Швеция. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

из сугроба, вытащил за калитку и стряхнул с них остатки снега.

К счастью, снег на дороге уже укатали, а путь в школу почти всё время шёл под горку. Юхан поставил ногу на один из полозьев, несколько раз изо всех сил оттолкнулся другой ногой, чтобы разогнаться как можно сильнее, и санки понесли его вниз. Вглядываясь вперёд сквозь метель, он вспомнил о приключившейся в их доме беде. На глаза навернулись слёзы, и Юхан тут же вытер их, стараясь не расплакаться.

Беда пришла к ним вчера. Когда поутру мама пошла в хлев, она обнаружила, что их корова, Ева, умерла. Совсем умерла. Ветеринар, осмотрев корову, сказал, что Ева проглотила гвоздь. Их единственная корова умерла из-за какого-то гвоздя!

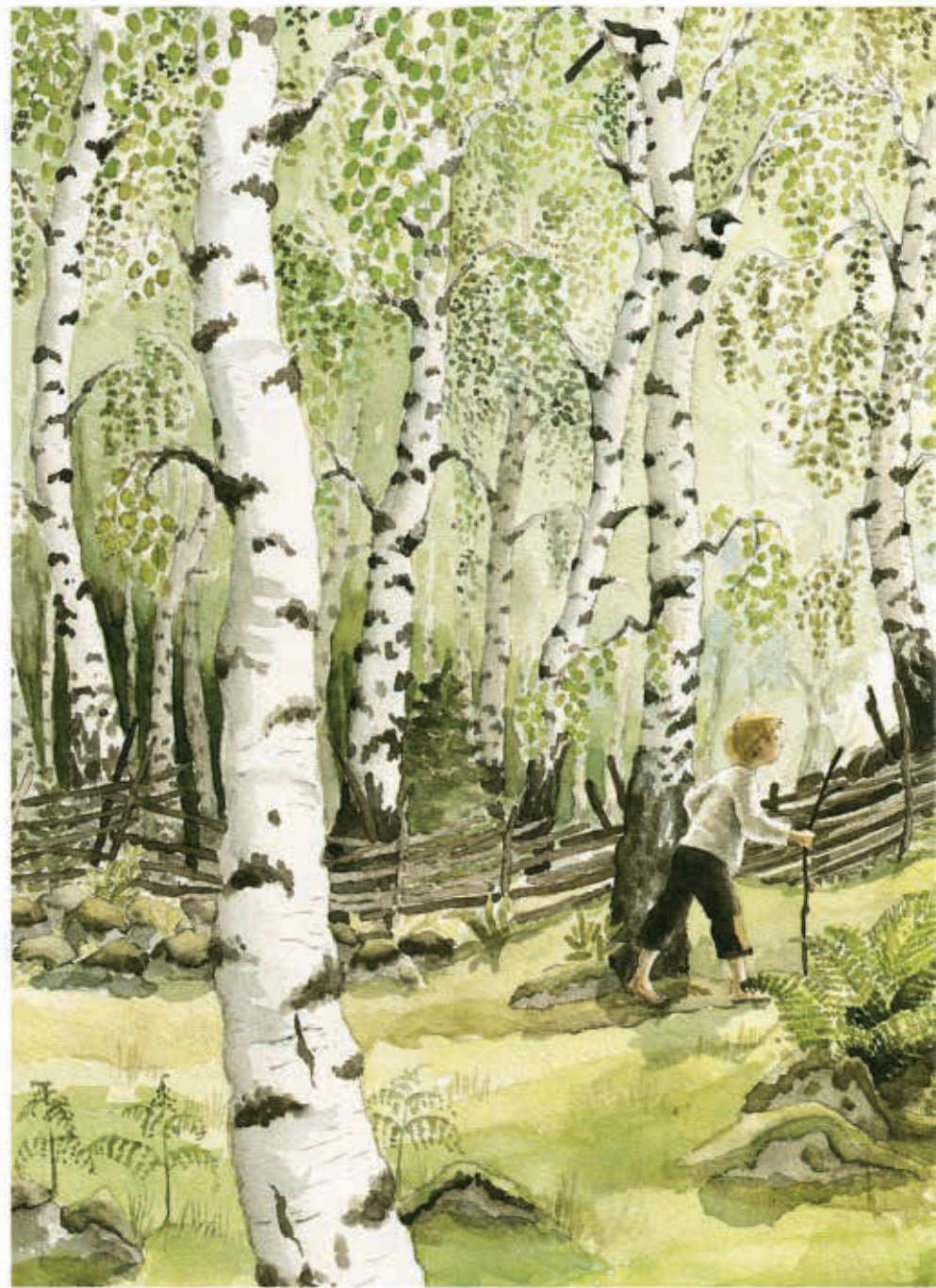
Юхан изо всех сил стиснул рукояти саней. Он был в отчаянии. Это было несправедливо! Почему такая беда приключилась именно в их семье, семье бедняков, с их единственной коровой? Вот у Петтера Ларссона из Бекхульты по меньшей мере двадцать коров, но слышал ли кто-нибудь, чтобы хоть одна из них когда-нибудь почувствовала себя плохо? Нет, его коровы росли и плодились, они все были здоровыми и упитанными. И с ними наверняка ничего не случится, даже если они каждый день будут глотать огромные двенадцатидюймовые гвозди длиной в пол-локтя.

Но его-то корова Ева — она умерла! Совсем умерла. А ведь ещё недавно она была такой резвой... И такой доброй... И он очень любил её. Юхан вспомнил один вечер прошлым летом. О, это был прекрасный вечер! Едва Юхан подумал о нём, как ему почудился запах лета. Он тогда несколько часов бродил по окрестностям в поисках Евы. Пришло время вести её домой, потому что в обязанности Юхана входило доить корову, когда он возвращался из школы. Но Ева забрела куда-то очень далеко, и он нигде не мог найти её и уже начал беспокоиться.

А потом он услышал звон её колокольчика, доносившийся с пастбища Петтера Ларссона в Бекхульте. Юхан стал кричать и звать Еву, и она побежала к нему на голос — прямо сквозь заросли кустарника, напролом, со страшным шумом, и радостно замычала, когда, наконец, увидела его.

Всю дорогу домой Юхан ругал Еву за то, что она заставила его так сильно волноваться, и за то, что сломала забор и ушла на пастбище Петтера Ларссона. Но когда, оказавшись в хлеву, Юхан сел на стул, поставил ведро под вымя и начал доить Еву, положив голову на её тёплый бок, когда заструилось из-под его пальцев жирное молоко, злость тут же прошла. Он очень любил свою корову.

И вот Ева умерла. Совсем умерла. Стоило в хлеву опустело. У них больше не было коровы. И вчера вечером мама плакала, а это было едва ли не самое худшее из всего, что могло случиться. Юхан никогда прежде не видел маму плачущей. Он даже не предполагал, что она умеет плакать. И только увидев, как плачет мама, он по-настоящему осознал, какое страшное горе обрушилось на них со смертью Евы. И папа, который никогда не унывал и всегда знал, что надо делать, весь вечер просидел за кухонным столом, не проронив ни слова, и только вздыхал.

«Как же несправедливо устроен мир! — думал Юхан. — Никто не помогает беднякам, вокруг ужас что творится, ни с того ни с сего умирают коровы, и никому нет до этого дела, даже Богу». Юхан мчался на санках по дороге и страшно злился на Бога, ведь Бог должен был присматривать за коровами и позаботиться о том, чтобы они случайно не глотали гвозди.

— Но Бог не присматривал за ними! —

в сердцах воскликнул Юхан. — Ну, разве что за коровами Петтера Ларссона из Бекхульты. Уж за ними-то он присматривает как следует — наверное, именно поэтому ему не хватило времени, чтобы присмотреть за бедной Евой.

И вот Ева умерла. Совсем умерла. У него больше не было коровы. Юхан бросил санки возле школы, сунул руки в карманы и с тяжёлым сердцем пошёл на занятия.

